

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ

О. В. Ипатова, Л. Ю. Малыхина

Брестский государственный технический университет

Брест, Беларусь

E-mail: ipatowa.olga2013@yandex.by

Сегодня в условиях глобализации и интеграции, сутью которых стало перераспределение политической и экономической власти, в результате чего государство становится важнейшим, но не единственным обладателем власти и суверенитета, национальное государство без опоры на внутренние социальные институты, в числе которых и Церковь, оказывается неустойчивым и неэффективным, не способным самостоятельно отвечать на вызовы времени. Наделение общественных структур национального пространства автономной юрисдикцией на основе их признаваемого правового статуса и в силу этого установление рамочного регулирования жизни гражданского общества определит право, как посредника между государством и обществом, создаст возможность сотрудничества и диалога между ними. В таком понимании право выступает как не функция государства, а как один из значимых регуляторов общественных отношений и фактор социальной стабильности государства.

Необходимо отметить, что данная проблематика долгое время являлась объектом пристального внимания историков и философов, но в гораздо меньшей степени ее исследовали с юридических позиций. Концептуально-правовые обобщения различных тенденций развития политики государств Восточной Европы в сфере взаимоотношений государства и Церкви сделали в своих работах такие известные юристы, как М. Ю. Варьяс, А. М. Величко, А. В. Пчелинцев, О. В. Бреский [4, 5, 13, 3]. Отдельные аспекты соотношения права и религии, церкви и государства также рассматривались С. С. Алексеевым, А. Б. Венгеровым, Г. Н. Мановым, В. С. Нерсисянцом, В. А. Цыпиным, [2, 6, 9, 10, 14].

В научной литературе существует одно из мнений, что положения правовой доктрины заработают в полную силу благодаря признанию юрисдикции общественных структур негосударственной природы, таких как Церковь, общественные и политические организации, территориальные сообщества, предприятия, т.е. всех тех субъектов, которые не могут обойтись в своей деятельности без собственных нормативных систем [3, с. 254].

Политизация всех сфер частной жизни вызывает десоциализацию личности, отчуждение и потерю собственной идентичности граждан. Идентификация гражданина происходит лишь через принадлежность к социальным институтам и при ее утрате связи с такими институтами наступает «гражданская смерть» человека. Как показали франко-российские исследования, проведенные в 1993–1996 гг. [8, с. 49–50], государство в постсоветских обществах практически не ассоциируется с политической властью и организацией, но связывается с такими понятиями, как Родина, сообщество людей. Происходит также срастание понятий государства и права, так как право создается и обеспечивается государством. Граждане должны соблюдать законы потому, что эти законы издает государство, которое выражает и защищает интересы всех. Поэтому несоблюдение права, создаваемого лишь государством, в постсоветском государстве все еще может быть интерпретировано как неподчинение государственной политике [7, с. 150]. Таким образом в советский период не могла идти речь о возможности существования автономных юрисдикций субъектов правоотношений, о партнерах государства.

С точки зрения необходимости создания автономной юрисдикции Церковь нуждается в законе, который определит место Церкви в системе национального воспитания и образования, гражданских, налоговых и других правоотношений, т. е. законе, который бы создавал определенное пространство для Церкви. В ситуации неурегулированности, не

определенности законом этих вопросов создается ситуация, когда право подменяется административными актами государства, а Церковь находится в зависимом положении и лишь встраивается в модель, предложенную государством. Такая ситуация создает условия для манипуляций и превращает и государство, и Церковь в определенный ресурс по отношению друг к другу: государство может рассматривать Церковь как определенный идеологический ресурс, а Церковь государство – как ресурс той силы принуждения, которой Церковь сама не располагает.

Но государство заинтересовано в универсальном законе, который бы относился ко всем религиозным организациям, выделяя их по каким-то определенным критериям и создавал в лице этих религиозных организаций своих партнеров в области культуры, образования, воспитания, семейной политики и т. п., что возможно лишь при наделении их самостоятельной юрисдикцией. Наделаться же автономной юрисдикцией смогут только такие организации, которые имеют устойчивы по времени и значимы для данного сообщества. За государством остается право выбора себе таких партнеров. Государству нужны партнеры, а Православной Церкви правовое признание ее особого статуса и роли в обществе в странах Восточной Европы. В этом сходится политика Церкви и государства.

Такой закон положил бы начало деполитизации сферы частной жизни общества – сферы предпринимательства, культуры, науки, религии, образования, семьи и др., оставив за государством прерогативу рамочного и диспозитивного правового регулирования частноправовых отношений. Но на сегодняшний день в странах постсоветского пространства существует только одна – государственная – юрисдикция: только через акт государственной регистрации за субъектами правоотношений признается их статус. Таким образом государство становится, по существу, участником всех возможных в данном обществе правоотношений.

Церковь в постсоветских государствах не стремится к принятию закона, который узаконил бы ее юрисдикцию, а заинтересована в проведении такой государственной политики, которая направлена на контроль за конституционностью реализации прав граждан в области религии, на «ограничение» иных религиозных течений. В ситуации построения закона о религиозных организациях в основном на запрещающих нормах государство создает не партнеров, а группу контролируемых объектов, так как их положение не определено позитивным правом.

Законодательство о религиозных организациях и, в частности, Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее – Закон) [1] построено на наследованной от советской эпохи, основанной на признании универсальности государственной юрисдикции. «Именно универсальность государственной юрисдикции влечет за собой индивидуализацию религии, которая в рамках законодательства стран Восточной Европы рассматривается как свобода личности» [3, с. 257–258]. Религиозные организации в этом контексте выступают сообществами, которые формируются личной потребностью человека. Религия определяется Законом Республики Беларусь как «мировоззрение и мироощущение, а также соответствующие им поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в сверхъестественное» (абз.2 ч.1. ст.1 Закона), а религиозная деятельность как «деятельность, направленная на удовлетворение религиозных потребностей верующих» (абз. 11 ч.1 ст.1 Закона). То есть Закон уравнивает по существу религиозность человека и его другие потребности, узаконивая лишь формы удовлетворения потребностей, в частности, регистрируя религиозные организации. Однако существования не только гражданского (внешнего) устава религиозной организации, но и церковного (канонического), делает регистрацию не разрешающим актом, а актом признания автономной юрисдикции. Именно от особенности понимания данной ситуации зависит вся система отношений между государством и Церковью. И в этом кроится парадокс: если Церковь отделяется от государства, что означает ее существование в системе права в качестве корпорации, то и государство отделяется от Церкви и становится особой корпорацией, которая

обозначается термином «светское государство», не отождествляемой с понятиями Родина и страна. «Без автономного существования Церкви как корпорации ситуация приводит к тому, что государство занято исключительно «правами человека» и, как следствие, надзором за «правильной» реализацией этих прав гражданами. Проблемы корпоративного права и локальных нормативных систем в этом случае попросту теряются, становятся производными от индивидуальных прав. Потому и выделение корпораций в качестве самостоятельных субъектов в рамках государственного права оказывается невозможным» [3, с. 267].

Создание норм права на основе абсолютного государственного суверенитета (непозитивного, запрещающего, «контролирующего» права) без определения правовых форм взаимодействия государства с религиозными организациями обуславливает неустойчивость создаваемой правовой системы, оставляя место возможным конфликтам. Так, например, статья 7 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», содержит в себе очень опасный механизм возникновения конфликтов между государством и религиозными организациями. Действие нормы ч. 4. ст. 7 данного закона, гласящей, что «никто не может по мотивам своих религиозных убеждений уклоняться от исполнения установленных законом обязанностей» вступает или может вступать в противоречие как с каноническим правом Русской Православной Церкви, так и с международным правом. Социальная доктрина РПЦ в случаях, когда предписания светского закона идут в разрез с христианской совестью, призывает христиан к гражданскому неповиновению [11, с. 26]. Закон, устанавливающий правовой статус РПЦ, нужен Церкви для определения собственной концепции, не идущей в разрез с правом. Концептуальное согласование наиболее значимых противоречивых интересов Церкви и государства должно отдаваться на откуп субъектам правотворчества и должно быть достигнуто в самом законе. Законом также должна быть предусмотрена и возможность урегулирования возможных конфликтов между государством и Церковью, для чего должны быть предусмотрены механизмы правового компромисса [12, с. 17].

Еще одним доводом в пользу создания автономных и самостоятельных социальных структур является необходимость создания общей для всех граждан системы ценностей. В светском государстве систему ценностей создают моральные ценности, общие для граждан, придерживающихся различных религиозных и мировоззренческих убеждений. Для этого светское государство должно создавать условия для проявления этих ценностей в общественной жизни и последующего выражения их в законодательстве. Такие условия невозможно создать, не придав Церкви и другим религиозным организациям автономный статус.

В ситуации универсальной государственной юрисдикции процесс политизации охватывает практически все социальные отношения, что приводит к ситуации, когда современное государство оказывается неспособным к правовому союзу с социальными институтами по той причине, что оно может обходиться без таких союзов, предпочитая организовывать отношения со своими контрагентами не в сфере права, а в сфере администрации и политики. Тотальная политизация неминуемо предопределяет нестабильность общественных процессов. Для Церкви это важно, так как десоциализация личности не способствует существованию устойчивых социальных структур. В этих условиях для поддержания социальной стабильности государство нуждается в существовании государственной идеологии, восполняющей отсутствие органичных социальных связей и процессов (так секуляризация означает неизбежный перевод языка веры на язык идеологии). Однако в сегодняшнем быстроменяющемся мире любая идеология как совокупность незыблемых и неизменных постулатов не способна в силу своей сути оперативно реагировать на все изменения в обществе. Лишь сотрудничество всех субъектов правоотношений национального пространства, действующих как партнеры государства благодаря правовому закреплению их самостоятельного правового статуса и

форм взаимодействия, предоставления им автономной юрисдикции, даст стабильность и устойчивость социальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054–XII «О свободе совести и религиозных организациях» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Алексеев, С. С. Правовое государство – судьба социализма: научно-публицистический очерк / С. С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1988. – 174 с.
3. Бреский, О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа» / О. Бреский, О. Бреская. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 336 с.
4. Варьяс, М. Ю. Церковное право как корпоративная правовая система: опыт теоретико-правового исследования / М. Ю. Варьяс // Журнал «Правоведение». – 1995. – № 6. – С. 77.
5. Величко, А. М. Философия русской государственности / А. М. Величко. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2001. – 336 с.
6. Венгеров, А. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
7. Давид, Р. Основные правовые системы современности: пер. с фр. В. А. Туманова / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с. – 215 с.
8. Манов, Г. Н. Признаки государства: новое прочтение / Г. Н. Манов // Политические проблемы теории государства: Сб. ст. М., 1993.
9. Нерсесянц, В. С. Право и закон. Из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц. – М.: «Наука», 1983. – 366 с.
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2008. – 174 с.
11. Парфенов, А. В. Понятие правового компромисса / А. В. Парфенов // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2016. – № 3 (35). – С. 14–19.
12. Пчелинцев, А. В. Свобода религии и права верующих в современной России / А. В. Пчелинцев; Институт религии и права. – М.: Юриспруденция, 2007. – 386 с.
13. Цыпин, В. А. Церковное право / В. А. Цыпин. – 2-е изд. – М.: Изд-во МФТИ, 1996. – 426 с.